



Д.А.Стремоухов  
**ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ  
МЕЖДУ ГУБЕРНАТОРАМИ  
И РЕГИОНАЛЬНЫМИ  
ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ЭЛИТАМИ**  
**Случай Республики Карелия<sup>1</sup>**

<sup>1</sup> Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 г.

Денис Александрович Стремоухов — старший преподаватель департамента политологии и международных отношений, аналитик Центра сравнительных исследований власти и управления Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге. Для связи с автором: dstremoukhov@hse.ru.

**Аннотация.** Почему в системе, ставящей экономические элиты в заведомо неравное положение по отношению к власти, некоторые региональные предприниматели вступают в конфронтацию с главами субъектов Федерации? Опираясь на анализ случаев конфликтов между губернаторами и бизнесменами в Карелии, автор высказывает гипотезу, что драйверами противостояния служат редистрибутивные противоречия в сочетании с наличием независимых ресурсов в виде разветвленных патрональных сетей. По его заключению, существенную роль здесь играет и фактор федерального центра: решаясь на конфронтацию с губернаторами, региональные акторы рассчитывают на поддержку со стороны Москвы и отставку неудобного руководителя. Однако ввиду своеобразия внешней среды, прежде всего институциональной и информационной, рациональность такого поведения нередко оказывается невысокой. Непрозрачность неформальных правил, на которых строится электоральный авторитаризм, накладывает свой отпечаток на способность акторов создавать адекватные когнитивные схемы. Информационная среда, в которой действуют региональные элиты, посылает им неясные и противоречивые сигналы о границах допустимого и возможных последствиях их действий. В свою очередь, формальное сохранение институтов выборов и партий ведет к формированию идентичностей, сужающих набор доступных стратегий поведения. Не действует и механизм взаимного обучения: в условиях, когда имеющиеся у контрагентов ресурсы не поддаются достоверной оценке, а правила игры меняются со сменой губернатора, ориентация на прежний опыт чревата стратегическими просчетами.

**Ключевые слова:** региональная политика, политический конфликт, экономические элиты, электоральный авторитаризм

**Введение**

<sup>2</sup> См., напр. Бекбулатова 2015.

Региональный бизнес — важный игрок на российском политическом поле<sup>2</sup>. С одной стороны, политическая активность бизнеса выглядит вполне естественной, ведь именно бизнес-акторы обладают ресурсами, необходимыми для участия в политике, а также интересами, которые это участие может удовлетворить. С другой стороны, обращает на себя внимание тот факт, что заметная часть региональных предпринимателей находилась в оппозиции к региональным властям даже на относительно поздних этапах правления Владимира Путина.

<sup>3</sup> Gans-Morse 2012.

В условиях незащищенности прав собственности<sup>3</sup> политическая оппозиция сопряжена с запретительно высокими рисками для экономических активов, что, казалось бы, должно вести к отказу от конфронтационных стратегий и участию лишь в санкционированных формах политической жизни или полному отстранению от нее<sup>4</sup>. Однако, хотя подавляющее большинство бизнесменов действительно старается избегать конфликтов, количество случаев активного политического противостояния региональных предпринимателей главам субъектов Федерации<sup>5</sup> и значимость такого противостояния для региональной политики не позволяет пренебречь данным феноменом.

<sup>4</sup> Turovskii 2009: 186.

<sup>5</sup> За период с 2005 по 2020 г. автором было зафиксировано порядка 30 случаев открытого политического противостояния между бизнесменами и губернаторами.

Статья посвящена поиску ответа на вопрос, почему региональные бизнесмены вступают в политические конфликты с властями субъектов Федерации. Под политическим конфликтом здесь понимается открытая конфронтация, направленная на подрыв позиций губернатора в регионе. Не накладывая никаких ограничений на конкретные стратегии и методы борьбы, это широкое определение четко отсылает к событиям, которые происходят в публичной плоскости, будь то кампания в подконтрольных бизнесмену СМИ или прямое участие в выборах. Исследование призвано не только углубить наше понимание политических процессов в регионах России, но и проиллюстрировать слабые стороны современных моделей элитного взаимодействия в авторитарных режимах.

<sup>6</sup> Gerring 2008.

Исследование выполнено в соответствии с методологией case-study, где в качестве «кейсов» выступают конфликты между бизнесменами и губернаторами в Республике Карелия. Интенсивность и относительное постоянство таких конфликтов позволяют рассматривать их как крайние проявления (extreme cases)<sup>6</sup> интересующего нас феномена. Исследование опирается на новостные сообщения и интервью с участниками событий в карельских СМИ, индексируемых в базе данных Public.RU<sup>7</sup>, статьи в федеральных средствах массовой информации, а также ряд интервью, взятых непосредственно автором<sup>8</sup>. Хронологически оно охватывает период с конца 1990-х по 2015 г., хотя основное внимание уделено событиям после 2005 г. как условной точки рецентрализации и трансформации политического режима в России.

<sup>7</sup> <https://public.ru/>.

<sup>8</sup> Четыре экспертных интервью и одно интервью с участником обсуждаемых в статье событий.

**Экономические элиты и политический конфликт**<sup>9</sup> Faccio 2006.<sup>10</sup> Markus 2012.<sup>11</sup> Szakonyi 2018.<sup>12</sup> Sakaeva 2019.

В работах, посвященных участию бизнеса в политике, указывается на многочисленные выгоды, которые сулит предпринимателям возможность влиять на решения органов государственной власти<sup>9</sup>, а также на роль политических постов в защите слабо институционализированных прав собственности<sup>10</sup>. В России прибыль фирм, ассоциированных с депутатами региональных legislatures, возрастает в среднем на 15%<sup>11</sup>. Как показывает Мария Сакаева, кресло в региональном парламенте не просто открывает бизнесмену доступ к государственным контрактам, но и ограждает его от государственных и частных посягательств на собственность, снижает размеры «добровольных» пожертвований в пользу государства и позволяет отстоять свои интересы в суде<sup>12</sup>. Однако все эти блага несет с собой политическая активность, связанная скорее с сотрудничеством с властями. Открытая конфронтация с ними должна идти вразрез с императивом максимизации прибыли и защиты собственности (если речь не идет о ситуации, когда бизнесмену больше нечего терять).

<sup>13</sup> Bratton and van de Walle 1997.<sup>14</sup> Junisbai 2012;  
Reuter and Szakonyi 2019.<sup>15</sup> Radnitz, 2010.

Потенциальная возможность конфликта рассматривается в литературе о взаимодействии элит и авторитарных лидеров. Применительно к теме настоящего исследования особый интерес представляют работы по элитным расколам<sup>13</sup> и так называемому дезертирству элит (elite defection). Элитные расколы часто имеют экономическую природу. В свою очередь, дезертирство элит во многом связано с обладанием независимыми от государства ресурсами<sup>14</sup>. Наличие у элит автономных экономических ресурсов создает почву для протестов и революционной смены власти<sup>15</sup>. Заслуживают внимания и эффекты персоналистского авторитаризма (утвердившегося, в частности, целом ряде постсоветских стран), при котором элита неизбежно распадается на ближний круг (inner circle) автократа и аутсайдеров, страдающих от несправедливой конкуренции на рынке и рейдерских захватов со стороны приближенных правителя. В этих условиях уход в оппозицию становится последним средством для тех, кто исчерпал другие способы защиты своей собственности<sup>16</sup>.

<sup>16</sup> Junisbai 2012.<sup>17</sup> Magaloni 2008.

Теоретико-игровые модели авторитарной политики тоже исходят из допущения об извлечении акторами материальной выгоды из своих политических позиций. Надежность обязательств автократа по распределению ренты трактуется как основная проблема и вместе с тем главный объяснительный механизм авторитарной политики. Предполагается, что недовольные распределением ресурсов (или сомневающиеся в надежности обязательств относительно будущего распределения) элиты могут сместить автократа при помощи института многопартийных выборов<sup>17</sup>.

В ситуации, когда автократ отходит от равновесной стратегии распределения ренты, конфликтная стратегия оказывается рациональной. При этом на индивидуальном уровне элиты должны быть уверены в том, что выгоды противостояния превысят издержки, что, в свою очередь, предполагает наличие относительно достоверной информации

о позиции других элитных акторов (прежде всего об их готовности включиться в борьбу), о доступных авторитарному лидеру ресурсах и, если речь идет о многоуровневой политической системе, о предпочтениях центральных властей. Проследить истоки этой уверенности в случаях конфликтов, которые а posteriori кажутся проявлением иррационального поведения, приведшего к поражению, — одна из задач настоящей статьи.

### **Факторы конфликтов, ограниченная рациональность и влияние среды**

Как следует из сказанного выше, важную роль в политическом противостоянии властям со стороны экономических субъектов играют редистрибутивные мотивы. Институт патронального президентства<sup>18</sup> воспроизводит ближний круг элит, ограничивая возможности акторов, находящихся за его пределами. Тем самым создается почва для конфликтов вокруг доступа к ресурсам. В предельном случае независимые от автократа экономические элиты могут стремиться к полной смене установившегося порядка и к демократизации<sup>19</sup>.

Для превращения бизнесменов в политическую оппозицию одного недовольства сложившимся положением вещей, однако, мало. Не менее важно обладание достаточным количеством автономных ресурсов. В условиях патронального электорального режима наиболее ценным ресурсом является собственная патронажно-клиентелистская сеть. Патронаж позволяет устанавливать контроль над органами власти, а клиентелизм — обеспечивать победу на выборах<sup>20</sup>. Будучи основан на личных связях, ресурс этого типа с трудом поддается фиксации извне до момента непосредственного электорального или иного противостояния. Это обстоятельство должно осложнять оценку акторами сил контрагентов и влиять на качество принимаемых ими стратегических решений.

Даже при наличии у экономического актора значительного объема ресурсов его возможности существенно меньше, чем у губернатора. В этой ситуации естественно желание бизнесменов попытаться привлечь на свою сторону центральные власти<sup>21</sup>. Если вероятность успеха такой попытки оценивается достаточно высоко, это может сильно повлиять на результаты рациональных калькуляций.

При всем том вступление в конфликт с властями зачастую влечет за собой не бонусы, а негативные последствия вплоть до потери бизнеса и свободы, ставя под вопрос рациональность отважившихся на подобный шаг бизнесменов. Известно, что рациональность фундаментально ограничена (bounded) не только заложенными в устройстве мозга алгоритмами обработки информации<sup>22</sup>, но и информационной средой<sup>23</sup>. Применительно к социальному поведению информационную среду образуют в первую очередь формальные и неформальные институты. В основе институтов лежат индивидуальные когнитивные схемы<sup>24</sup>, но благодаря общеизвестности они носят экзогенный характер по отношению к каждому из акторов. Чтобы стать общеизвестными, правила

<sup>18</sup> Hale 2014.

<sup>19</sup> Bellin 2000.

<sup>20</sup> Поскольку эти два компонента тесно взаимосвязаны, в дальнейшем для обозначения патронажно-клиентелистского комплекса взаимодвижений мы будем использовать введенный Генри Хейлом термин «патрональная сеть».

<sup>21</sup> Gibson 2005. См. также Marques et al. 2020.

<sup>22</sup> Simon 1990.

<sup>23</sup> Fiedler and Wänke 2009: 700.

<sup>24</sup> Denzau and North 1994; Greif and Mokyр 2017.

социальных взаимодействий должны быть артикулированы. Они могут быть заданы решениями неких легитимных органов, а могут вырабатываться в процессе самого взаимодействия через механизмы обучения<sup>25</sup>.

<sup>25</sup> *Helmke and Levitsky 2004: 731.*

В рамках общеизвестных правил и ментальных схем индивиды вполне могут быть рациональными. Обосновывая полезность теоретико-игровых моделей в духе рационального выбора при изучении институтов, Авнер Грейф подчеркивает, что представления о выгодах и издержках различных стратегий, а также о предпочтениях других акторов и доступных им стратегиях непосредственно задаются социальными правилами: «социально определенные и распространенные правила ограничивают область, которую люди понимают и внутри которой действуют рационально»<sup>26</sup>, обеспечивая индивидов «когнитивными, координационными и информационными основами поведения»<sup>27</sup>. Мы не можем в полной мере полагаться на теорию рационального выбора при анализе ситуаций, в которых структура стратегического взаимодействия не закреплена в общеизвестных правилах. Именно на таком понимании рациональности строится настоящее исследование.

<sup>26</sup> *Грейф 2013: 156–157.*

<sup>27</sup> *Там же: 159.*

Для того чтобы считаться рациональным, поведение должно быть целеориентированным и манифестироваться в наилучших, с точки зрения актора, стратегиях достижения поставленной цели. Как отмечает Ростислав Туровский, «рациональность политического поведения бизнесменов зависит от доминирующей политической культуры, институционального контекста и текущей политической ситуации»<sup>28</sup>.

<sup>28</sup> *Turovskii 2009: 186.*

Наиболее актуальным для объяснения политического поведения является политический режим, то есть совокупность правил, регулирующих доступ к власти. Электоральный авторитаризм примечателен тем, что формальные демократические правила там соседствуют с неформальными авторитарными. Первые открыто артикулируются через официальные каналы, тогда как вторые либо выводятся из наблюдений, либо постигаются на собственном опыте<sup>29</sup>. Противоречие между формальными демократическими и параллельными им неформальными авторитарными институтами оставляет обширное пространство для их интерпретации. В этих условиях способность акторов создавать адекватные когнитивные схемы резко ограничена<sup>30</sup>. Расположение красных черт, которые нельзя переступать, зачастую приходится узнавать на практике. Идентичности акторов, формирующиеся в подобной институциональной среде<sup>31</sup>, не обязательно находят выражение в наборах предпочтений, предписанных теоретико-игровыми моделями.

<sup>29</sup> *Grigoriev and Dekalchuk 2017.*

<sup>30</sup> *Greif and Mokyr 2017: 28.*

<sup>31</sup> *March and Olsen 1996.*

Многоуровневый характер управления в России еще больше усложняет картину. Чтобы учесть возможную реакцию федерального центра на свои действия, акторы должны обладать ментальной схемой его предпочтений. Однако эта схема может оказаться ошибочной. Кроме того, как предпочтения, так и ресурсы различных акторов могут меняться со временем и отклоняться от зафиксированных в ментальных схемах.

Не следует также забывать, что для формирования правил необходимо взаимодействие нескольких акторов, а процесс обучения носит взаимный характер. По справедливому замечанию Ивана Григорьева и Анны Декальчук, «бесполезно знать правила игры в шахматы, если побеждает тот, кто первым ударит противника доской»<sup>32</sup>. Можно предположить, что автократы (в нашем случае губернаторы) тоже опираются на некое знание о потенциальных последствиях различных действий элит (бизнесменов) и учатся на них реагировать.

<sup>32</sup> Grigoriev and Dekalchuk 2017: 484.

### Эмпирический анализ

Карелия отличалась активной политической жизнью на протяжении всей постсоветской истории. Такое положение вещей во многом обусловлено диверсифицированностью региональной экономики<sup>33</sup>, а также политической активностью местного бизнеса. Согласно подсчетам Сакаевой, доля бизнесменов в Законодательном собрании республики (далее — ЗС) четвертого созыва составляла 46%, а пятого — 50%<sup>34</sup>.

<sup>33</sup> Гельман и др. 2008: 227.

<sup>34</sup> Sakaeva 2019: 87.

Основными акторами, вступавшими в конфронтацию с карельскими губернаторами, были местные предприниматели Василий Попов и Девлетхан Алиханов, а также члены их патрональных сетей. Начав предпринимательскую деятельность в 1990-е годы, бизнесмены включились в политику, противопоставляя себя сменяющимся главам республики. Несмотря на очевидные различия в стратегиях, политическая (и не только политическая) карьера обоих окончилась в 2015 г. при непосредственном участии правоохранительных органов. Попов был вынужден покинуть Россию, а Алиханов три года провел под стражей (после чего был оправдан Верховным судом РФ)<sup>35</sup>.

<sup>35</sup> Хронология описываемых событий приведена в табл. 1 Приложения.

Если в основе конфликтного поведения бизнесменов лежат редиистрибутивные мотивы, конфликтная динамика должна (1) отражать положение акторов в системе регионального ресурсного обмена; (2) не противоречить их редиистрибутивным предпочтениям; (3) затрагивать формальные редиистрибутивные институты. Посмотрим, как обстояло дело в рассматриваемых нами случаях.

Ни Попов, ни Алиханов не были обязаны успехом своего бизнеса вхождению в ближний круг губернатора, а их изначальное включение в политику мотивировалось желанием защитить собственность и создать благоприятные условия для бизнеса. «Если твой бизнес хоть сколько-нибудь велик, он слишком серьезно зависит от властей... — описывал причины, побудившие его заняться политической деятельностью, Попов. — Вот и получается: если не будешь заниматься политикой, придется обивать пороги и думать, кому давать взятку»<sup>36</sup>.

<sup>36</sup> Правила жизни 2014.

В 2004 г. входившие в группу Алиханова депутаты Петрозаводского городского совета (далее — Петросовет) блокировали отмену выборов мэра города, которая неизбежно привела бы к назначению лояльной губернатору кандидатуры<sup>37</sup>. (Провести это решение республиканским властям удалось только после разгрома группировок Попова и

<sup>37</sup> Гельман и др. 2008: 265.

<sup>38</sup> *Turchenko 2017.* Алиханова<sup>38</sup>.) Конфликт вокруг формальных институтов с новой силой разгорелся в 2007 г., когда Алиханов вместе с союзниками предпринял неудачную попытку предотвратить передачу администрации республики права распоряжаться городской землей. Противодействие депутатов, связанных с петрозаводскими бизнесменами, вызывал также «отрицательный трансферт» из городского бюджета в региональный. В иницированном Поповым обращении Петросовета к президенту РФ тогдашний глава Карелии Сергей Катанандов прямо обвинялся в коррупции и лоббировании интересов приближенных к нему бизнесменов Леонида Белуги и Андрея Мазуровского. Отдельное недовольство и сопротивление вызывал приход в Карелию при поддержке республиканских властей петербургских компаний, в первую очередь торговых и транспортных. В подтверждение гипотезы о важности структурной позиции бизнесмена в системе ресурсного обмена медиамагнат Мазуровский пытался, хотя и безуспешно, вступить в конфронтацию с новым губернатором Андреем Нелидовым.

Вместе с тем действия, проистекающие из редистрибутивных мотивов, могут совпадать с действиями, проистекающими из мотивов идеального плана. И Попов, и Алиханов активно ссылались на заботу о благе жителей республики и демократические нормы. Понятно, что для владельцев успешного бизнеса, не требующего поддержки со стороны властей, открытая рыночная конкуренция предпочтительнее сложившейся в регионе модели ближнего круга губернатора, из которого они исключены. Эти «материальные» предпочтения могут совпадать с предпочтениями, обусловленными личными демократическими убеждениями, хотя развести эффекты первых и вторых чрезвычайно сложно.

Что касается Алиханова, то в его случае вряд ли можно вести речь о наличии прочной идеологической ориентации: в 2001—2005 гг. бизнесмен был членом ЛДПР, с 2006 по 2009 г. оказывал финансовую поддержку «Справедливой России», а в 2009 г. вступил в «Единую Россию», продолжая при этом продвигать членов своей патрональной сети в Петросовет через подконтрольное Попову «Яблоко». Едва ли его можно отнести и к принципиальным противникам модели ближнего круга, учитывая его временную кооптацию в этот круг (через назначение на пост вице-губернатора), а также фактический захват им петрозаводской администрации и Петросовета.

Попов же, напротив, демонстрировал стойкую приверженность партии «Яблоко» на протяжении всей своей политической карьеры, а ряд его заявлений свидетельствует о том, что политическая борьба стала важным элементом его идентичности. «Люди совершают поступки, не исходя из голого расчета, иначе они все были бы одинаковые, люди совершают поступки, потому что они так живут, — объяснял он причины своего поведения в одном из интервью. — Одна из моих проблем, либо достоинств, заключается в том, что, с одной стороны, я являюсь предпринимателем, который должен быть лоялен всегда изначально к любой власти, какой бы она ни была, а с другой стороны,

<sup>39</sup> Соколов 2015. я люблю высказывать свою точку зрения»<sup>39</sup>. В отличие от Алиханова, Попов открыто выступил против присоединения Крыма к России, что сложно объяснить материальными мотивами и скорее отражает его идеологические установки.

Устойчивая связь с демократической партией и образ оппозиционера, бесспорно, накладывают ограничения на репертуар возможных действий и заявлений. Когда позиция Попова по вопросам распределения ресурсов не могла быть легитимирована через обращение к общественному благу и демократическому идеалу, он риторически апеллировал к своей предпринимательской идентичности, высказываясь «не как политик»<sup>40</sup>. В то же время декларируемая актором идентичность формирует ожидания относительно его поведения и, как следствие, ограничивает стратегические действия контрагентов: не случайно попытка кооптации в команду губернатора была предпринята в отношении Алиханова, «который никогда прямо не говорил: „я — оппозиция“»<sup>41</sup>, но не Попова.

<sup>40</sup> Диалог 2009.

<sup>41</sup> Интервью с карельским политологом, 31.05.2021.

Далеко не все бизнесмены, не входящие в ближний круг губернатора, вступают с ним в конфронтацию. Вторым необходимым условием, как уже отмечалось, здесь является наличие разветвленной патрональной сети. Связка между принадлежавшим Попову молочным комбинатом и основанной им торговой сетью «Ленторг» позволяла ему активно инвестировать в создание клиентелистской сети через поставки питания в школы, социальные программы и сотрудничество с ветеранскими и пенсионерскими организациями. В свою очередь Алиханов использовал в этих целях учрежденный им «Попечительский совет Древянки» — орган, нацеленный на решение проблем жителей одноименного района за счет местных бизнесменов (включая самого Алиханова). Оба предпринимателя создали сети подконтрольных им депутатов в Петросовете и ЗС, а также чиновников в органах исполнительной власти. Другим важнейшим видом ресурсов, позволяющим завоевывать симпатии избирателей и дискредитировать оппонентов, выступают подконтрольные средства массовой информации. Их влияние на исход конфронтации с властью, однако, не очень велико, о чем свидетельствует опыт владельца крупнейшей карельской медиаимперии Мазуровского, проигравшего новым назначенцам<sup>42</sup>.

<sup>42</sup> Мельников 2021.

Федеральный центр присутствует на региональной арене как в качестве активного игрока, так и имплицитно, в качестве фактора, принимаемого во внимание региональными акторами в их калькуляциях. Роль центра стала особенно заметной с наделением президента правом увольнять губернаторов в связи с утратой доверия и отменой губернаторских выборов<sup>43</sup>. Апелляция к федеральной власти — обыденная практика в карельской политической жизни. Примечательно, что первые подобные случаи зафиксированы именно в 2004 г., сразу после внесения в федеральное законодательство упомянутых изменений. Местные СМИ рутинно пишут о том, что многие действия политических акторов в республике направлены на подрыв репутации губернатора

<sup>43</sup> Восстановление в 2012 г. института прямых выборов глав субъектов РФ ситуацию не изменило.



<sup>44</sup> *Интервью с карельским политологом, 18.06.2021.*

в глазах федерального руководства. Согласно с такой оценкой и представителю регионального экспертного сообщества<sup>44</sup>.

Местные элиты не только ведут борьбу с губернатором на региональном уровне, но и транслируют свое недовольство на уровень федеральный. Конфликт с губернатором не противоречит демонстрации личной лояльности Кремлю: так, в 2012 г., в разгар конфронтации с тогдашним главой республики Нелидовым, Алиханов руководил избирательной кампанией Владимира Путина в Карелии. Характерно, что, несмотря на свои подозрения в причастности Нелидова к интересу Генпрокуратуры к связанным с ним активам, Алиханов спокойно воспринял назначение уже экс-губернатора на пост директора музея «Кижы», ведь решение этого вопроса относилось к сфере компетенции федерального центра. Очевидно, что региональные акторы должны иметь представление о вероятных предпочтениях Москвы, но если губернатор может рассчитывать на прямую коммуникацию с президентом и его администрацией, а члены «Единой России» получать информацию от федерального руководства партии, то другим акторам приходится строить свои умозаключения на наблюдаемом поведении центра и публичных декларациях.

<sup>45</sup> *Соколов 2015.*

Низкая степень институционализации внутриэлитных отношений проявляется в существенной роли личностных особенностей губернатора, во многом определяющих возможные образы действий. Зависимость правил игры от того, кто конкретно занимает губернаторский пост, достаточно велика. В этих условиях формальные правила остаются одним из немногих источников определенности. Не случайно Попов считал себя в относительной безопасности, поскольку знал, как работает закон<sup>45</sup>. И закон действительно зачастую оказывается на стороне оппонентов региональных властей. Например, в 2011 г. глава карельского отделения «Справедливой России» Ирина Петеляева, уволенная с поста замминистра образования за критику руководства республики, добилась восстановления в должности через суд. А в 2012 г. суд отклонил иски Генпрокуратуры против связанных с Алихановым людей и структур, при том что сам Алиханов проиграл иск к журналисту Анатолию Цыганкову.

<sup>46</sup> *Интервью с участником событий, 23.07.2021.*

Отвечая на вопрос, почему он пошел на конфронтацию с губернатором, один из участников рассматриваемых событий заявил, что недооценивал опасность, исходя из «общей» и «психологической» ситуации в стране в целом и в Карелии в частности, а также из предшествующего своего опыта<sup>46</sup>. Ссылки на «общую ситуацию» в стране звучат и в экспертных нарративах о политической обстановке в Карелии. С одной стороны, это иллюстрирует важность информационной среды и опыта для принятия решений, с другой — демонстрирует ненадежность такой информации. В случае прихода на пост губернатора человека с другими предпочтениями и/или ресурсами (Александр Худилайнен обладал большим влиянием на силовиков, чем его предшественники, и, по некоторым сведениям, заручился поддержкой федерального центра) ори-

ентация на прежние паттерны взаимодействия становится источником ошибок в оценке рисков.

Попытки кооптации Петеляевой и Алиханова путем назначения их на правительственные посты и последующий отказ от подобной практики свидетельствуют о том, что в своих взаимодействиях с экономическими элитами губернаторы действуют методом проб и ошибок. Отказ от кооптации был непосредственно связан с неудовлетворительными результатами «Единой России» на выборах 2011 г. в Петросовет, после чего стало понятно, что инкорпорация оппонентов в правительственные и партийные структуры не снижает уровня конфронтации между элитными группами. В карельском экспертном сообществе говорят о «завещании Нелидова»<sup>47</sup> — наказе избавиться от Алиханова, оставленном им новоназначенному губернатору Худилайнену. Конечно, нельзя с уверенностью утверждать, что ключевым фактором перехода к решительным действиям в отношении мятежного предпринимателя послужил именно этот наказ, а не связи Худилайнена с силовиками и/или поддержка со стороны федерального центра. Однако правомерно предположить, что подвиг нового губернатора на такие действия печальный опыт взаимодействия предшественников с региональными экономическими элитами.

<sup>47</sup> *Интервью с карельским политологом, 31.05.2021; интервью с карельским политологом, 18.06.2021.*

## Заключение

Почему экономические элиты вступают в конфронтацию с губернаторами в системе, которая заведомо ставит их в неравное положение? Проведенное исследование подтверждает, что драйверами конфликтов служат редистрибутивные противоречия в сочетании с наличием независимых ресурсов в виде патрональных сетей. Политический конфликт не обязательно означает, что бизнесмены исчерпали другие способы защиты своей собственности от действий губернатора и его приближенных. Не относится к необходимым его условиям и хищничество регионального руководителя — иногда достаточно неравного доступа к распределяемым ресурсам. При этом важными факторами принятия решений на региональном уровне являются присутствие федерального центра, перед которым губернаторы несут ответственность, и представления региональных элит о предпочтениях центральных властей.

Карельский случай иллюстрирует важность институциональной перспективы в осмыслении элитных конфликтов. Даже если изначально обращение к политической деятельности проистекает из необходимости защитить свою собственность, в условиях электорального авторитаризма у акторов может развиваться политическая идентичность, которая будет определять репертуар доступных им стратегий. Восприятие бизнесмена как оппозиционера ограничивает набор стратегий в его отношении, которые мыслятся возможными правящими элитами, тем самым влияя на его стратегическое поведение. Формальные правила, допускающие существование выборов и политических партий, способ-

<sup>48</sup> См., напр. Сакаева 2016 о «двойной идентичности» предпринимателей в региональных парламентах.

<sup>49</sup> См. Sharafuddinova and Steinbuks 2017.

ствую формированию подобных идентичностей и служат своеобразной инструкцией к действию. Если литература о политическом участии бизнеса и авторитарной политике исходит из допущения, что акторы стремятся максимизировать прибыль/ренту, то социологическое прочтение позволяет зафиксировать у них и иную логику<sup>48</sup>. Такой взгляд на политику в недемократических режимах, с одной стороны, подчеркивает важность формальных институтов как когнитивных шаблонов, с другой — ставит под вопрос адекватность утвердившихся представлений о предпочтениях экономических элит.

Необходимо также учитывать, что в основе электорального авторитаризма лежит система неформальных правил, которые не только непрозрачны (ввиду отсутствия легальных каналов распространения), но и меняются со сменой доминирующего актора<sup>49</sup>. Информационная среда, в которой действуют региональные элиты, посылает им неясные и противоречивые сигналы о границах допустимого и возможных последствиях их действий. Ведут к стратегическим просчетам и ошибки в восприятии предпочтений федерального центра.

Исследователям следует внимательнее отнестись к когнитивной роли институтов в авторитарных режимах, которая не сводится к обеспечению надежных обязательств, кооптации и информированию, но во многом определяет предпочтения акторов и информационную основу их действий. Заслуживают более тщательного изучения и практики взаимного обучения, а также структурные факторы, которые подрывают или усиливают способность акторов выводить правила из предшествующих взаимодействий.

Разумеется, полученные нами результаты требуют проверки на более широком эмпирическом материале и помещения в сравнительный контекст. Во всех ли регионах элиты ориентируются на федеральный центр, вступая в конфронтацию с губернатором? Как на их поведение повлияло возвращение губернаторских выборов? Как протекают конфликты в регионах с более закрытым политическим режимом? Чтобы ответить на эти вопросы, нужны дополнительные исследования.

## Библиография

- Бекбулатова Т. (2015). «Влияние местных. Как региональный бизнес меняет результаты выборов» // *Коммерсантъ Власть*, № 38: 9. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2815997> (проверено 20.09.2021).
- Гельман В., С.Рыженков, Е.Белокурова и Н.Борисова. (2008) *Реформа местной власти в городах России, 1991—2006*. СПб.: Норма.
- Грейф А. (2013). *Институты и путь к современной экономике: Уроки средневековой торговли*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- «Диалог о будущем республики». (2009) // *Карелия*, 21.03.
- Мельников И. (2021) «Гибель империи» // *Karelinform*, 25.05. URL: <https://karelinform.ru/article/general/25-05-2021/gibel-imperii> (проверено 20.09.2021).

«Правила жизни Василия Попова». (2014) // *Губерния Daily*, 25.03. URL: <https://gubdaily.ru/sociology/interview/pravila-zhizni-vasiliya-porova/> (проверено 21.09.2021).

Сакаева М.М. (2016) *Бизнесмены в органах законодательной власти: использование депутатского статуса в предпринимательской деятельности*. Дисс. ... канд. соц. наук. М.: НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/data/2015/05/21/1097334336/dis.pdf> (проверено 21.09.2021).

\* Внесено Министерством юстиции РФ в список иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента.

Соколов М. (2015) «Беглец из Карелии» // *Радио Свобода\**, 11.09. URL: <https://www.svoboda.org/a/27237848.html> (проверено 23.09.2021).

Bellin E. (2000) «Contingent Democrats: Industrialists, Labor, and Democratization in Late-Developing Countries» // *World Politics*, vol. 52, no. 2: 175—205.

Bratton M. and N. van de Walle. (1997) *Democratic Experiments in Africa: Regime Transitions in Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press.

Denzau A. and D.North. (1994) «Shared Mental Models: Ideologies and Institutions» // *Kyklos*, vol. 47, no. 1: 3—31.

Faccio M. (2006) «Politically Connected Firms» // *American Economic Review*, vol. 96, no. 1: 369—386.

Fiedler K. and M.Wänke. (2009) «The Cognitive-Ecological Approach to Rationality in Social Psychology» // *Social Cognition*, vol. 27, no. 5: 699—732.

Gans-Morse J. (2012) «Threats to Property Rights in Russia: From Private Coercion to State Aggression» // *Post-Soviet Affairs*, vol. 28, no. 3: 263—295. URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.1061.9980&rep=rep1&type=pdf> (accessed on 21.09.2021).

Gerring J. (2008) «Case Selection for Case Study Analysis: Qualitative and Quantitative Techniques» // Box-Steffensmeier J.M., H.E.Brady, and D.Collier, eds. *The Oxford Handbook of Political Methodology*. Oxford: Oxford University Press: 645—684.

Gibson E.L. (2005) «Boundary Control: Subnational Authoritarianism in Democratic Countries» // *World Politics*, vol. 58, no. 1: 101—132.

Greif A. and J.Mokyr. (2017) «Cognitive Rules, Institutions, and Economic Growth: Douglass North and Beyond» // *Journal of Institutional Economics*, vol. 13, no. 1: 25—52.

Grigoriev I.S. and A.A.Dekalchuk. (2017) «Collective Learning and Regime Dynamics under Uncertainty: Labour Reform and the Way to Autocracy in Russia» // *Democratization*, vol. 24, no. 3: 481—497.

Hale H.E. (2014) *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*. New York: Cambridge University Press.

Helmke G. and S.Levitsky. (2004) «Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda» // *Perspectives on Politics*, vol. 2, no. 4: 725—740.

- Junisbai B. (2012) «Improbable but Potentially Pivotal Oppositions: Privatization, Capitalists, and Political Contestation in the Post-Soviet Autocracies» // *Perspectives on Politics*, vol. 10, no. 4: 891—916.
- Magaloni B. (2008) «Credible Power-Sharing and the Longevity of Authoritarian Rule» // *Comparative Political Studies*, vol. 41, no. 4—5: 715—741.
- March J.G. and J.P.Olsen. (1996) «Institutional Perspectives on Political Institutions» // *Governance*, vol. 9, no. 3: 247—264.
- Markus S. (2012) «Secure Property as a Bottom-Up Process: Firms, Stakeholders, and Predators in Weak States» // *World Politics*, vol. 64, no. 2: 242—277.
- Marques I., I.Levina, A.Kazun, and A.Yakovlev. (2020) «Calling the Cavalry: Firm-Level Investment in the Face of Decentralized Expropriation» // *Journal of Institutional Economics*, vol. 16, no. 4: 503—518.
- Radnitz S. (2009) *Weapons of the Wealthy*. Ithaca, London: Cornell University Press.
- Reuter O.J. and D.Szakonyi. (2019) «Elite Defection under Autocracy: Evidence from Russia» // *American Political Science Review*, vol. 113, no. 2: 552—568.
- Sakaeva M. (2019) «Moonlighting Politicians in Russia: Defense Capacities of Businesspeople in Regional and Local Legislatures» // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 27, no. 1: 75—99.
- Simon H.A. (1990) «Invariants of Human Behavior» // *Annual Review of Psychology*, vol. 41: 1—19. URL: [http://wexler.free.fr/library/files/simon%20\(1990\)%20invariants%20of%20human%20behavior.pdf](http://wexler.free.fr/library/files/simon%20(1990)%20invariants%20of%20human%20behavior.pdf) (accessed on 21.09.2021).
- Sharafutdinova G. and J.Steinbuks. (2017) «Governors Matter: A Comparative Study of State-Business Relations in Russia's Regions» // *Economics of Transition*, vol. 25, no. 3: 471—493.
- Szakonyi D. (2018) «Businesspeople in Elected Office: Identifying Private Benefits from Firm-Level Returns» // *American Political Science Review*, vol. 112, no. 2: 322—338.
- Turchenko M. (2017) «The Rise and Fall of Local Self-Government in Petrozavodsk» // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 25, no. 2: 155—173.
- Turovskii R. (2009) «The Representation of Business Elites in Regional Politics: Étatism, Elitism and Clientelism» // Ross C. and A.Campbell, eds. *Federalism and Local Politics in Russia*. London, New York: Routledge: 184—206. URL: [https://www.academia.edu/552759/Federalism\\_and\\_local\\_politics\\_in\\_Russia](https://www.academia.edu/552759/Federalism_and_local_politics_in_Russia) (accessed on 21.09.2021).

Таблица 1 Хронология описанных событий

<i>Губернатор</i>	<i>Девлетхан Алиханов</i>	<i>Василий Попов</i>
Сергей Катанандов (1998—2010)	<p>2001 г. — вступление в ЛДПР</p> <p>2002 г. — избран депутатом ЗС РК</p> <p>2006 г. — выход из ЛДПР</p> <p>2006—2009 гг. — поддержка «Справедливой России»</p> <p>2009 г. — попытка участия в выборах мэра Петрозаводска, вступление в «Единую Россию», назначение сенатором</p>	<p>1998 г. — избрание главой Олонецкого р-на</p> <p>1999 г. — вступление в «Яблоко»</p> <p>2002 г. — участие в выборах главы республики</p> <p>2003 г. — избран депутатом ЗС РК</p> <p>2006 г. — участие в выборах мэра Петрозаводска</p> <p>2007 г. — избран депутатом и спикером Петросовета; обращение Петросовета к президенту РФ с обвинением Катанандова в коррупции</p> <p>2009 г. — осужден на 7 лет условно по делу о вымогательстве</p>
Андрей Нелидов (2010—2012)	<p>2010 г. — назначение вице-губернатором</p> <p>2011 г. — провал «Единой России» на выборах в Петросовет; уход из правительства и начало конфликта с Нелидовым; создание Координационного совета для контроля над Петрозаводском</p>	<p>2011 г. — снятие судимости</p>
Александр Худилайнен (2012—2017)	<p>2013 г. — обыски у Алиханова и его сторонников, уход с поста вице-спикера ЗС</p> <p>2015 г. — заключение под стражу по уголовному делу о махинациях с муниципальной недвижимостью</p>	<p>2013 г. — победа поддерживаемой Поповым Галины Ширшиной на выборах мэра Петрозаводска, начало конфликта с Худилайненым</p> <p>2014 г. — уголовные дела против приближенных Попова</p> <p>2015 г. — отъезд за границу и заочный арест</p>



**D.A.Stremoukhov**

## **POLITICAL CONFLICTS BETWEEN GOVERNORS AND REGIONAL ECONOMIC ELITES CASE OF THE REPUBLIC OF KARELIA**

Denis A. Stremoukhov — Senior Lecturer at the Department of Political Science and International Affairs, Analyst at the Center for Comparative Governance Studies, HSE University (St. Petersburg). Email: dstremoukhov@hse.ru.

**Abstract.** Why do some regional entrepreneurs engage in conflicts with the heads of the subnational units of the Russian Federation within a system that puts economic elites in a deliberately unequal position in relation to the authorities? Based on the analysis of conflicts between governors and businessmen in Karelia, the author hypothesizes that contradictions around redistribution, combined with the availability of the independent resources e.g., branchy patronal networks, drive such confrontation. According to the author's conclusion, the federal center also plays a significant role. When deciding whether to start confrontation with governors, regional actors could count on the support from Moscow and resignation of an undesirable regional leader. However, due to the peculiarity of the external environment, primarily institutional and informational, the rationality of such behavior often turns out to be low. The opaque informal rules, which electoral authoritarianism relies upon, affect the ability of actors to create adequate cognitive schemata. The informational environment, in which the regional elites operate, sends them unclear and contradictory signals about the limits of acceptable actions and their possible consequences. In turn, the formal preservation of an institution of elections and parties leads to the formation of identities that narrow the set of available behavioral strategies. The mechanism of mutual learning does not work either: under conditions when the resources available to counter-actors cannot be verified, and the rules of the game change with a governor's turnover, reliance on the previous experience is fraught with strategic miscalculations.

**Keywords:** regional politics, political conflict, economic elites, electoral authoritarianism

**References**

- Bekbulatova T. (2015) “Vlijanie mestnykh. Kak regional’nyj biznes menjaet rezul’taty vyborov” [The Influence of the Locals. How Regional Business Change the Elections’ Results] // *Kommersant’ Vlast’* [Kommersant Power], no. 38: 9. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2815997> (accessed on 20.09.2021). (In Russ.)
- Bellin E. (2000) “Contingent Democrats: Industrialists, Labor, and Democratization in Late-Developing Countries” // *World Politics*, vol. 52, no. 2: 175—205.
- Bratton M. and N. van de Walle. (1997) *Democratic Experiments in Africa: Regime Transitions in Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Denzau A. and D.North. (1994) “Shared Mental Models: Ideologies and Institutions” // *Kyklos*, vol. 47, no. 1: 3—31.
- “Dialog o budushchem respubliki” [Dialog about the Future of the Republic]. (2009) // *Karelia*, 21.03. (In Russ.)
- Faccio M. (2006) “Politically Connected Firms” // *American Economic Review*, vol. 96, no. 1: 369—386.
- Fiedler K. and M.Wänke. (2009) “The Cognitive-Ecological Approach to Rationality in Social Psychology” // *Social Cognition*, vol. 27, no. 5: 699—732.
- Gans-Morse J. (2012) “Threats to Property Rights in Russia: From Private Coercion to State Aggression” // *Post-Soviet Affairs*, vol. 28, no. 3: 263—295. URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.1.061.9980&rep=rep1&type=pdf> (accessed on 21.09.2021).
- Gel’mán V., S.Ryzhenkov, E.Belokurova, and N.Borisova. (2008) *Reforma mestnoy vlasti v gorodakh Rossiji, 1991—2006* [Local Government Reform in Russian Cities, 1991—2006]. St Petersburg: Norma. (In Russ.)
- Gerring J. (2008) “Case Selection for Case Study Analysis: Qualitative and Quantitative Techniques” // Box-Steffensmeier J.M, H.E.Brady, and D.Collier, eds. *The Oxford Handbook of Political Methodology*. Oxford: Oxford University Press: 645—684.
- Gibson E.L. (2005) “Boundary Control: Subnational Authoritarianism in Democratic Countries” // *World Politics*, vol. 58, no. 1: 101—132.
- Greif A. (2013) *Instituty i put’ k sovremennoj ekonomike: Uroki srednevekovoj torgovli* [Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade]. Moscow: Izdatel’skij dom Vyshej shkoly ekonomiki. (In Russ.)
- Greif A. and J.Mokyr. (2017) “Cognitive Rules, Institutions, and Economic Growth: Douglass North and Beyond” // *Journal of Institutional Economics*, vol. 13, no. 1: 25—52.
- Grigoriev I.S. and A.A.Dekalchuk. (2017) “Collective Learning and Regime Dynamics under Uncertainty: Labour Reform and the Way to Autocracy in Russia” // *Democratization*, vol. 24, no. 3: 481—497.
- Hale H.E. (2014) *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*. New York: Cambridge University Press.



Helmke G. and S.Levitsky. (2004) “Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda” // *Perspectives on Politics*, vol. 2, no. 4: 725–740.

Junisbai B. (2012) “Improbable but Potentially Pivotal Oppositions: Privatization, Capitalists, and Political Contestation in the Post-Soviet Autocracies” // *Perspectives on Politics*, vol. 10, no. 4: 891–916.

Magaloni B. (2008) “Credible Power-Sharing and the Longevity of Authoritarian Rule” // *Comparative Political Studies*, vol. 41, no. 4–5: 715–741.

March J.G. and J.P.Olsen. (1996) “Institutional Perspectives on Political Institutions” // *Governance*, vol. 9, no. 3: 247–264.

Markus S. (2012) “Secure Property as a Bottom-Up Process: Firms, Stakeholders, and Predators in Weak States” // *World Politics*, vol. 64, no. 2: 242–277.

Marques I., I.Levina, A.Kazun, and A.Yakovlev. (2020) “Calling the Cavalry: Firm-Level Investment in the Face of Decentralized Expropriation” // *Journal of Institutional Economics*, vol. 16, no. 4: 503–518.

Melnikov I. (2021) “Gibel’ imperii” [The Death of the Empire] // *Karelinform*, 25.05. URL: <https://karelinform.ru/article/general/25-05-2021/gibel-imperii> (accessed on 20.09.2021). (In Russ.)

“Pravila zhizni Vasilija Popova” [Vasilij Popov’s Life Rules]. (2014) // *Gubernia Daily*, 25.03. URL: <https://gubdaily.ru/sociology/interview/pravila-zhizni-vasiliya-popova/> (accessed on 21.09.2021). (In Russ.)

Radnitz S. (2009) *Weapons of the Wealthy*. Ithaca, London: Cornell University Press.

Reuter O.J. and D.Szakonyi. (2019) “Elite Defection under Autocracy: Evidence from Russia” // *American Political Science Review*, vol. 113, no. 2: 552–568.

Sakaeva M.M. (2016) *Biznesmeny v organakh zakonodatel’noj vlasti: ispol’zovanie deputatskogo statusa v predprinimatel’skoj dejatel’nosti* [Businessmen in Legislative Bodies: the Use of Deputy Status in Entrepreneurial Activity]. Ph.D. diss. Moscow: HSE University. URL: <https://www.hse.ru/data/2015/05/21/1097334336/dis.pdf> (accessed on 21.09.2021). (In Russ.)

Sakaeva M. (2019) “Moonlighting Politicians in Russia: Defense Capacities of Businesspeople in Regional and Local Legislatures” // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 27, no. 1: 75–99.

Simon H.A. (1990) “Invariants of Human Behavior” // *Annual Review of Psychology*, vol. 41: 1–19. URL: [http://wexler.free.fr/library/files/simon%20\(1990\)%20invariants%20of%20human%20behavior.pdf](http://wexler.free.fr/library/files/simon%20(1990)%20invariants%20of%20human%20behavior.pdf) (accessed on 21.09.2021).

Sharafutdinova G. and J.Steinbuks. (2017) “Governors Matter: A Comparative Study of State-Business Relations in Russia’s Regions” // *Economics of Transition*, vol. 25, no. 3: 471–493.

Sokolov M. (2015) “Beglets iz Karelii” [A Fugitive from Karelia] // *Radio Svoboda* [Radio Freedom], 11.09. URL: <https://www.svoboda.org/a/27237848.html> (accessed on 23.09.2021). (In Russ.)

Szakonyi D. (2018) “Businesspeople in Elected Office: Identifying Private Benefits from Firm-Level Returns” // *American Political Science Review*, vol. 112, no. 2: 322—338.

Turchenko M. (2017) “The Rise and Fall of Local Self-Government in Petrozavodsk” // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 25, no. 2: 155—173.

Turovskii R. (2009) “The Representation of Business Elites in Regional Politics: Étatism, Elitism and Clientelism” // Ross C. and A.Campbell, eds. *Federalism and Local Politics in Russia*. London, New York: Routledge: 184—206. URL: [https://www.academia.edu/552759/Federalism\\_and\\_local\\_politics\\_in\\_Russia](https://www.academia.edu/552759/Federalism_and_local_politics_in_Russia) (accessed on 21.09.2021).